

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ) / PHILOSOPHY OF RELIGION
AND RELIGIOUS STUDIES (PHILOSOPHY OF SCIENCE)

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 109–116

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 291.3

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.109>

**Экзистенциально-катафатический аспект восприятия
православной деревянной скульптуры на примере
Саваофа (Иркутск, XVIII в.)**

В. С. Кузнецова*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Дается семиотическое обоснование использования неканонической деревянной скульптуры в православных приходах Иркутска XVIII в. С позиций семиотического подхода рассматриваются причины, по которым неканонический статус скульптуры не препятствовал ее использованию в литургии. Отмечается, что народное восприятие представлено в его тяготении к субстанциальному общению с сакральным, наделенным экзистенциалом присутствия; скульптура в народном мировосприятии представляется как экзистенциал субстанциального присутствия Бога и катафатическое явление его предикатов. Семиотический статус скульптуры определяется как подвижный, находящийся между символом и знаком.

Ключевые слова: скульптура в православии, экзистенциал, апофатизм, катафатизм, Саваоф, символ, знак, семиотика, иркутская деревянная православная скульптура.

Для цитирования: Кузнецова В. С. Экзистенциально-катафатический аспект восприятия православной деревянной скульптуры на примере Саваофа (Иркутск, XVIII в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 109–116. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.109>

Original article

**Existential-Cataphatic Aspect of the Perception
of Orthodox Wooden Sculpture on the Example of Sabaoth
(Irkutsk, 18th Century)**

V. S. Kuznetsova*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. We give a semiotic justification of the using of non-canonical wooden sculpture in the Orthodox parishes of Irkutsk in the 18th century. From the standpoint of the semiotic approach, we consider the reasons why the non-canonical status of the sculpture did not prevent its applying in the liturgy. People's perception is presented in its craving for the substantial communication with the sacred, endowed by the existential of presence. Sculpture, from the point of view of the people's

© Кузнецова В. С., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

worldview, is presented as the existential of the substantial presence of God and the cataphatic manifestation of his predicates. The semiotic status of sculpture is defined as mobile, located between a symbol and a sign. The sculpture is deprived of the apophatic abstractness of the symbol, however, it does not become a pointing sign. This position of the sculpture as a cataphatic affirmation of the predicates of God as merciful and forgiving makes it effective in conditions of transcultural missionary communication with indigenous peoples of Baikal region, creating an existential of presence and connection with God.

Keywords: sculpture in Orthodoxy, existentialism, apophaticism, cataphatism, Sabaoth, symbol, sign, semiotics, Irkutsk wooden orthodox sculpture.

For citation: Kuznetsova V.S. Existential-Cataphatic Aspect of the Perception of Orthodox Wooden Sculpture on the Example of Sabaoth (Irkutsk, 18th Century) . *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 109-116. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.109> (in Russian)

Одна из актуальных проблем философии религии и религиоведения связана с пониманием сущности религиозного символа и его воплощения в литургических образах предметов церковного культа. Существует тесная связь литургии и догматики в христианстве, поэтому в поле исследований различных аспектов литургии попадает только регламентированное догматикой, но религиозный символ существует и вне догматических представлений о нем. Так, например, в христианских конфессиях исповедание веры первично, а форма литургии вторична и зависит от особенностей исповедания веры: литургия у католиков, православных и лютеран предметно нам это показывает. То есть мы не можем сказать ничего утвердительного о смыслах происходящего на литургии до тех пор, пока детально не ознакомимся с содержанием вероучения: вне вероучения литургия в авраамических религиях исследователем (теоретическим дискурсом) не рассматривается. Очевидно, что в силу этого обстоятельства феномен православной скульптуры остается в тени науки, а иркутская православная деревянная скульптура до сих пор не имела посвященных ей научных исследований, в отличие от изученной и атрибутированной пермской деревянной скульптуры и скульптуры Русского Севера.

При таком взгляде мы часто упускаем из виду специфику восприятия религиозной доктрины стихийным религиозным сознанием. Для подобной стихийной коллективной религиозности характерно активное воображение, имажинативность [3, с. 13], образность в восприятии и передаче символического. Как раз этот уровень стихийной религиозности и соответствующий ему уровень понимания культа мы не учитываем, когда не рассматриваем возможность других форм существования культа, кроме догматически-канонических. Мы полагаем, что именно народное религиозное сознание было одной из причин появления и существования деревянной скульптуры как его адекватного языка, выражающего народный религиозный опыт, соответствующий транскультурной ситуации XVIII в., сложившейся в Байкальском регионе.

Обратимся к феномену деревянной скульптуры в пространстве православного храма Иркутской епархии XVII–XVIII вв. на примере ее ярчайшего образца – скульптуры Саваофа, датированной XVIII в., ныне находящейся в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева, поступившей из Крестовоздвиженской церкви в 1974 г. (рис. 1) [4, с. 53]. Скульптура высотой около двух метров, по мнению искусствоведов музея, венчала иконостас [Там же, с. 46].

*Рис. 1. Саваоф. Резьба по дереву, XVIII в.
Иркутский художественный музей имени В. П. Сукачева
(фото автора)*

Отметим, что после возвращения с реставрации в 2015 г. скульптура Саваофа преобразилась, лик расчистили, скульптуру разместили на определенной высоте. Стало понятно, что Саваоф обладает силой воздействия на зрителей и звучанием, более громким и куда менее абстрактным, чем древнерусская икона и икона XVII–XVIII вв. Это различие восприятий скульптуры и иконы побуждает к теоретическому поиску обоснования его не столь очевидных причин. И икона, и сакральная скульптура, в данном случае Саваофа, – это различные формы – морфемы передачи символического, в терминологии структуры символического К. А. Свасьяна [7, с. 104], а именно содержания символического – метаморфемы, которые в авраамических религиях являются представлением о божественном таким, каким оно открылось Аврааму. Обратимся к рассмотрению семиотического статуса скульптуры Саваофа, литургический образ которого, по нашему мнению, воплощает экзистенциал народного мифа.

Олицетворение символа в пластических формах характерно для народного мифа как семиозиса, основанного на не-дискурсивном восприятии. В сакральной скульптуре мы имеем образцовый пример мифосемиотизации в авраамических религиях, вызывавший порицание со стороны церковной элиты, в лучшем случае своими указами убиравшей скульптуры в «рухлядные каморы». Напомним, что богословский апофатизм иудаизма и ислама не допускает визуализации Бога, тем более объемных изображений. Обратимся к истокам и вспомним, что Господь велел Моисею украсить крышку ковчега херувимами: «Сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; *выдавшимися* из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее»

(Исх. 25: 17–20). Из описания не следует указания на степень этого «выдавания» (объемности) фигур – ему может соответствовать и барельеф, и круглая скульптура. В историческое время формирования доктринальной (догматической и канонической) основы христианства на Вселенских соборах мы находим различные формы раннехристианского творчества. Скульптуры создавались вплоть до VII в. [5, с. 53] и только в период иконоборчества прекратили свое существование. Таким образом, возрождения скульптуры как иконы не произошло.

На Руси сакральная скульптура изначально присутствовала в культовых действиях. Скульптура из дерева восходит ко времени язычества [6, с. 14]. Русские мастера на протяжении веков хранили и передавали традиции оригинальной деревянной пластики. Народный опыт создания сакральной пластики много позже был реализован в Оружейной палате. По мнению Н. Н. Соболева, произведения Оружейной палаты начинают представлять собой интересную смесь западного влияния с пережитками местной старины [8, с. 74]. Языческие основы православной пластики исследует М. А. Бурганова, по словам которой, «дохристианские традиции были необыкновенно устойчивы в скульптуре, и обойти их, анализируя русскую религиозную скульптуру, невозможно» [2, с. 21]. Этот же автор отмечает необычайную популярность в народе рельефных икон из дерева или металлических сплавов и круглой скульптуры. Однако практика использования скульптур в православном церковном служении была, по нашему мнению, дискретной и противоречивой.

Говоря о силе взаимодействия восприятия человека и визуальных форм и образов литургии, можно сказать, что чем более конкретный, предметный и осязаемый образ для передачи идеи первообраза будет использован, тем легче будет достигнута коммуникативная цель. Интенциональность субъективного восприятия ищет экзистенциальные подобию, и эмоциональность подобию, какую мы видим в примере с Саваофом, усиливает его аттрактивность. Цель культа, понимаемая на уровне народного мифа как установление связи с Богом, в использовании скульптуры достигает субстанциальной коммуникации, для иллюстрации чего позволим себе привести пример «Христа в вязаных носках». Речь идет о скульптурном типе «Муж скорбей», представленном в крупнейшем хранилище православной скульптуры музеев и галерей г. Перми. Прихожане скульптуру «Христа в муках» одевали, на праздники наряжали, надевали на нее украшения. Христос в своих крестных страданиях обнажен, что было пыткой обнаженностью для честного человека, страдание обнаженностью Христа вызывало отклик у православных прихожан одеть скульптуру Христа. Известны случаи, когда люди («бабушки») приносили в музей спасенные в годы советских преследований религии скульптуры «Христа в муках», на ноги которых были надеты носки¹ и имевшие несколько комплектов облачения – «повседневное» и праздничное – и даже белье. Экзистенциальность коммуникации адептов и скульптуры Саваофа усилена его конкретикой, ма-

¹ Христос в вязаных носках: загадки православных «истуканов». URL: <https://ria.ru/20210103/statui-1590899136.html> (дата обращения: 22.08.2022).

териальной конкретикой того, что для адепта есть-для-него-сущее. О приоритете скульптур перед иконами в народном интенциале также свидетельствует наблюдение начальника отдела экспертизы и искусствоведческих заключений музея имени Андрея Рублева Жанны Белик: «Если в храме есть икона свяителя Николая и его же изваяние, то свечек больше у изваяния, нежели у писаного образа». Экзистенциальность восприятия усиливается «субстанциальностью присутствия», «наличностью» [10, с. 114].

Народный миф живет утверждением конкретной предметности символов абстрактных понятий. Отличие опредмеченного символа в стихийном народном религиозном восприятии от канонизированного, дискурсивно декларированного символа состоит в том, что народный миф находит разнообразные предметные формы высказываний о Боге как о метаморфеме, делит метаморфему Бога на ее составляющие, никогда ей не равные, стремясь олицетворить символическое. Высказывание о метаморфеме авраамического делает катафатическое утверждение о сути того, что стоит за этой предметной формой символа. Имеем ли мы дело с символом в данном случае или символ становится знаком? Очевидно, что метаморфема здесь теряет объем своего содержания, приобретая конкретность. Эта динамика, или эманация (нисхождение) от символа к знаку, может менять вектор и подниматься к исходной высоте символа. Это колебание между знаком и символом мы назовем диалектикой апофатического и катафатического, диалектическим взаимодействием морфемы одной из возможных персонификаций образа Творца и метаморфемы Творца как абстрактного символа, не выразимого ни одной из попыток его антропоморфного олицетворения.

Вернемся к скульптуре Саваофа, представляющего собой образ Бога Отца, стоящего на облаке (рис. 2).

Рис. 2. Саваоф, XVIII в. (фото автора)

Опустим явную даже для неэкспертов «неканоничность» такого изображения. Когда мы пытаемся воспринять облик Саваофа, выполненный в технике резьбы по дереву в XVIII в. для одной из иркутских церквей, очевидно, с миссионерской целью, мы видим, что этот образ выполнен его художником как сентиментальный образ Бога Отца. Лик Саваофа предстает без рельефа морщин, но в обрамлении белых седин. На лице Саваофа нет гневно сдвинутых бровей, драматических заломов, нахмуренного лба, на нижних веках под глазами нет теней, как в иконографии Пантократора (заметим – также катафатического высказывания), или, например, яркого гневного образа иконы «Спас Ярое Око». Интересно, что П. Флоренский «страх Божий» в своих лекциях по философии культа называл главным определением культа, «исходным переживанием культа» [9, с. 88–89]. Но Саваоф – с гладким ликом, мягким взглядом смотрящий на нас, – не вызывает «страха Божьего», порождая сентиментальность восприятия (воздействуя на чувства, а не на разум), вызывая чувства близости, доступности, «отеческой» милости, доброты и всепрощения, понятных в том числе тем, кто не понимает церковнославянского языка проповеди, – представителям коренных народов Прибайкалья XVIII в., шаманистам, адептам тенгрианства. Визуальный объект воспринимается в первую очередь семантически, и возникающее «первовидение» является «отношенческим» [1, с. 75]. В сакральной коммуникации «ответ на *кто* идет из самого *я*, субъекта, самости...» [10, с. 114], воспринимающий чувственно ощущает Бога в ней как бытие сущего, бытие присутствия, «сущее, которое всегда есть я сам, бытие всегда мое» [Там же]. Предположим, что литургический образ Саваофа в данной транскультурной коммуникации партиципирует с образом Небесного отца Тэнгэр Эцэп и, соединяясь, создает сильную эмоционально-чувственную связь. Можно также вспомнить, что тюркские и монгольские народы тоже имели опыт сакральной круглой скульптуры, например онгоны, духи предков. В транскультурной сакральной коммуникации Саваоф сам ведет сентиментальную проповедь к чувствам всех, кто к нему пришел, даже без участия священника. Он не апофатичен, он – катафатическое выражение народного мифа, олицетворение, метафора, образ, он – производная форма символа Творца и более соотносим с морфемой символа, чем с самим символом. В скульптуре деревянного Саваофа катафатически утверждается возможность высказывания о предикатах Творца в форме, выходящей за границы канонов православия, свержения символа с высот его абстрактности и предметно-чувственного уплотнения всех чаяний к трансцендентному без «страха Божьего».

Таким образом, можно, при внимании к неканоническим формам религиозного искусства, увидеть существование народного мифа в форме олицетворения исходного метаморфемного символа Творца в сентиментальный образ доброго старца на облаке. Семиотическое осмысление феномена сакральной скульптуры в авраамических религиях и в православии помогает рассматривать культ и участие символа в нем как коммуникацию с сакральным на разных уровнях восприятия. На примере деревянной скульптуры Саваофа мы

определили семиотическое положение скульптуры в православии как динамическое состояние между морфемой народного мифа с присущим катафатическим утверждением милости и доброты Бога Отца и христианско-православным канонизированным символом в официальной практике вероисповедания. На уровне народного семиозиса коммуникация с сакральным происходит через образы-знаки, лишённые абстрактности символа. Скульптура Саваофа представляется предметным образом с сентиментально-положительным характером в состоянии семиотической динамики между символом и знаком. Эта модальность ближе к народному восприятию, имажинативно-народной структуре чувства, поскольку субстанциально участвует в культе – коммуникативном акте с сакральным. Форма скульптуры, не являясь православным каноном, но и не имея достаточного обоснования на запрет, востребована типом народного восприятия, идентифицирующего себя как нуждающегося в защите, ищущего не характерно-конфессионального для православия переживания «страха Божьего», а чувства отеческой заботы и всепрощения. Экзистенциально-катафатический образ Саваофа, находящийся между символом и знаком, исключительное явление в православной литургической практике. Но ее семиотический статус, как мы видим, делает скульптуру закономерной и необходимой. Данное положение скульптуры в качестве катафатического утверждения предикатов Бога как милостивого и прощающего определяет ее высокий коммуникативный потенциал в условиях транскультурной миссионерской коммуникации с коренными народами, создавая экзистенциал присутствия и связи с Богом.

Список литературы

1. *Артемьева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики / под ред. И. Б. Ханиной. М. : Наука : Смысл, 1990. 147 с.
2. *Бурганова М. А.* Русская сакральная пластика : дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.04. М., 2002. 269 с.
3. *Голосовкер Я. Э.* Имажинативный абсолют. М. : Акад. проект, 2012. 312 с.
4. Иркутский художественный музей имени В. П. Сукачева. Живопись. Графика. Декоративно-прикладное искусство / И. Е. Прудников [и др.]. СПб. : АРС, 1993. 262 с.
5. *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. 1. М. : Искусство, 1986. 764 с.
6. *Померанцев Н. Н.* Русская деревянная скульптура. М. : Сов. художник, 1967. 132 с.
7. *Свасьян К. А.* Проблема символа в современной философии. М. : Акад. проект, 2010. 224 с.
8. *Соболев Н. Н.* Русская народная резьба по дереву. М. ; Л. : АCADEMIA, 1934. 478 с.
9. *Флоренский П. А.* Из богословского наследия священника Павла Флоренского // Богословские труды. Сб. 17. М. : Изд. Моск. Патриархии, 1977. С. 87–248.
10. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. 5-е изд. М. : Акад. проспект, 2015. 460 с.

References

1. Artemyeva E.Y. *Osnovy psihologii sub"ektivnoj semantiki* [Fundamentals of the psychology of subjective semantics]. Ed. I.B. Khanina. Moscow, Nauka Publ., Meaning Publ., 1990, 147 p. (in Russian)
2. Burganova M.A. *Russkaya sakralnaya plastika* [Russian sacred plasticity]. Cand. sci. diss. Moscow, 2002, 269 p. (in Russian)
3. Golosovker Y.E. *Imaginativnyj absoljuty* [Imaginative absolute]. Moscow, Academic project Publ., 2012, 312 p. (in Russian)

4. *Irkutskij hudozhestvennyj muzej imeni V.P. Sukachyova. Zhivopis. Grafika. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo* [Irkutsk Art Museum named after V.P. Sukachev. Painting. Graphic arts. Arts and Crafts]. I.E. Prudnikov, E.S. Zubriy, T.P. Ogorodnikova et al. St. Petersburg, ARS Publ., 1993, 262 p. (in Russian)

5. Lazarev V.N. *Istoriya vizantijskoj zhivopisi* [History of Byzantine Painting]. Vol. 1. Moscow, Art Publ., 1986, 764 p. (in Russian)

6. Pomerantsev N.N. *Russkaya derevyannaya skulptura* [Russian wooden sculpture]. Moscow, Soviet Artist Publ., 1967, 132 p. (in Russian)

7. Svasyan K.A. *Problema simvola v sovremennoj filosofii* [The problem of the symbol in modern philosophy]. Moscow, Academic Project Publ., 2010, 224 p. (in Russian)

8. Sobolev N.N. *Russkaya narodnaya rezba po derevu* [Russian folk woodcarving]. Moscow, Leningrad, ACADEMIA Publ., 1934, 478 p. (in Russian)

9. Florensky P.A. Iz bogoslovskogo naslediya svyashchennika Pavla Florenskogo [From the theological heritage of Priest Pavel Florensky]. *Bogoslovskie trudy. Sbornik 17* [Theological Works. Collection 17th]. Moscow, Moscow Patriarchy, 1977, pp. 87-248. (in Russian)

10. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. translation from V.V. German Bibikhina. 5th ed. Moscow, Academic project Publ., 460 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Кузнецова Виктория Сергеевна

кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и методологии науки
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: fly.888@ya.ru
ORCID: 0000-0002-7400-5758

Information about the author

Kuznetsova Victoria Sergeyevna

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate
Professor, Department of Philosophy and
Methodology of Science
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: e-mail: fly.888@ya.ru
ORCID: 0000-0002-7400-5758

Статья поступила в редакцию **23.08.2022**; одобрена после рецензирования **20.09.2022**; принята к публикации **30.11.2022**
The article was submitted **August, 23, 2022**; approved after reviewing **September, 20, 2022**; accepted for publication **November, 30, 2022**